

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-489-499

EDN: ZCPQXM

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Этимология названия романа А.П. Платонова «Чевенгур» и ее отражение в идейном содержании произведения

Б.В. Соколов

Издательство «Вече», Москва, Россия

✉ bvsokolov@yandex.ru

Аннотация. Цель настоящего исследования – определение возможной новой этимологии названия романа А.П. Платонова «Чевенгур», отслеживание отражения в тексте вероятных переводов этого названия на русский язык. Актуальность исследования определяется тем, что философский роман «Чевенгур» – главное произведение А.П. Платонова. Оно неизменно привлекает внимание исследователей в России и за ее пределами, поскольку затрагивает вечные вопросы бытия. Используются толково-этимологический, сравнительно-языковой и интертекстуальный методы. Рассматривается этимология названия и существующие его этимологизации. Выдвигается новая гипотеза о происхождении названия «Чевенгур» от армянско-тюркского слова «чилингар», что обосновывается доказанными фактами контактов А.П. Платонова с представителями армянской общины Воронежа еще до начала работы над романом, вероятным наличием в то время носителей фамилий Чилингарян и Чилингаров в этом городе. Прослеживается употребление слов «мастер», «слесарь» и «кузнец» и их производных, являющихся вариантами перевода на русский язык слова «чилингар», в тексте А.П. Платонова. Доказывается, что эти слова используются в связи с главными идеями «Чевенгура» – отражением «Философии общего дела» Н.Ф. Фёдорова по всеобщему воскрешению мертвых и мотива мастера и мастерства. Данное обстоятельство может служить подкреплением гипотезы об армянско-тюркской этимологизации названия «Чевенгур». Рассматривается также гипотеза Н.Н. Боровко об А.М. Горьком как возможном прототипе персонажей-кузнецов в романе, Сотых и Якова Титыча, признается, что она имеет право на существование, прослеживается связь этих персонажей с «Философией общего дела». Отмечается сочетание «Философии общего дела» с социальным дарвинизмом, который также отразился в статье А.П. Платонова «Коммунизм и сердце». Идеи социального дарвинизма воплотились в эпизодах истребления «буржуев» и изгнания «полубуржуев» в «Чевенгуре» с оставлением в живых только «избранных» коммунаров.

Ключевые слова: А.П. Платонов, Чевенгур, Н.Ф. Фёдоров, «Философия общего дела», всеобщее воскрешение мертвых, А.М. Горький, Н.Н. Боровко, социальный дарвинизм, этимология

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Соколов Б.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 10 марта 2025 г.; отрецензирована 20 мая 2025 г.; принята к публикации 25 июня 2025 г.

Для цитирования: Соколов Б.В. Этимология названия романа А.П. Платонова «Чевенгур» и ее отражение в идейном содержании произведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 489–499. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-489-499>

The Etymology of the Title of A.P. Platonov's Novel *Chevengur* and its Reflection in the Ideological Content of the Work

Boris V. Sokolov

Veche Publishing House, Moscow, Russian Federation

✉ bvsokolov@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study is to determine a possible new etymology of the title of A.P. Platonov's novel *Chevengur* and to track the reflection in the text of the novel of possible translations of this title into Russian. The relevance of the research is determined by the fact that the philosophical novel *Chevengur* is the main work of A.P. Platonov and invariably attracts the attention of researchers in Russia and abroad, since it touches on eternal questions of existence. Explanatory-etymological, comparative-linguistic and intertextual methods are used. The etymology of the title of A.P. Platonov's novel *Chevengur* and its existing etymologizations are considered. A new hypothesis is put forward about the origin of the name 'Chevengur' from the Armenian-Turkic word 'chilingar', which is substantiated by the proven facts of A.P. Platonov's contacts with representatives of the Armenian community of Voronezh even before starting work on the novel *Chevengur*. The use of the words 'master', 'locksmith' and 'blacksmith' and their derivatives, which are variants of the translation of the word 'chilingar' into Russian, is traced in the text of the novel by A.P. Platonov. It is proved that these words are used in connection with the main ideas of *Chevengur* – a reflection in it of N.F. Fedorov's *Philosophy of the Common Task* on the universal resurrection of the dead and the motive of the master and craftsmanship. This circumstance can serve as a reinforcement of the hypothesis about the Armenian-Turkic etymology of the name 'Chevengur'. N.N. Borovko's hypothesis about A.M. Gorky as a possible prototype of the blacksmith characters in the novel, Sotykh and Yakov Titych, is also considered, and it is recognized that it has a right to exist, the connection of these characters with the *Philosophy of the Common Task* is traced. There is also a combination in A.P. Platonov's novel *Philosophy of Common Task* with social Darwinism, which is also reflected in A.P. Platonov's article *Communism and the Heart*. The ideas of social Darwinism were embodied in the episodes of the extermination of the 'bourgeoisie' and the expulsion of the 'semi-bourgeoisie' in *Chevengur*, leaving only the 'chosen' communards alive.

Keywords: A.P. Platonov, *Chevengur*, N.F. Fedorov, *Philosophy of the Common Task*, universal resurrection of the dead, A.M. Gorky, N.N. Borovko, social Darwinism, etymology

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted March 10, 2025; revised May 20, 2025; accepted June 25, 2025.

For citation: Sokolov, B.V. (2025). The Etymology of the Title of A.P. Platonov's Novel *Che-
vengur* and its Reflection in the Ideological Content of the Work. *RUDN Journal of Studies in
Literature and Journalism*, 30(3), 489–499. [http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-
489-499](http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-489-499)

Введение

Цель настоящего исследования – определение возможной новой этимологии названия романа А.П. Платонова «Чевенгур», отслеживание отражения в тексте возможных переводов этого названия на русский язык. Актуальность исследования определяется тем, что философский роман «Чевенгур» – главное произведение А.П. Платонова. Оно неизменно привлекает внимание исследователей в России и за ее пределами, поскольку затрагивает вечные вопросы бытия, и его содержание не устаревает с течением времени. Применяются толково-этимологический, сравнительно-языковой и интертекстуальный методы. Высказываются различные мнения об этимологии названия самого известного романа Андрея Платонова. Название фантастического города Чевенгур, безусловно, – авторский топоним, не существующий на географических картах. Достаточно обоснованным представляется версия, что он был создан по аналогии с такими городами и селами Воронежской и Тамбовской губерний, как Богучар, Карачуры, Карачан, Чагоры, Карачун и Карабут (Шубина, с. 150). Указывается также, что город Богучар и Богучарский уезд Воронежской губернии, где А.П. Платонов проводил мелиоративные работы, был центром сектантского движения фёдоровцев – последователей философа Н.Ф. Фёдорова, чья псевдоматериалистическая утопическая «Философия общего дела», под которой он понимал воскрешение мертвых с помощью науки (если бы проект осуществился, воскресшие не поместились бы на планете Земля, поэтому Фёдоров предполагал, что со временем человечество освоит всю Вселенную), отразилась в романе «Чевенгур», как и во многих других платоновских произведениях (Романов, 2017, с. 45–59). Существует множество этимологизаций названия «Чевенгур» (Яблоков, 2001, с. 199–201). Например, С. Залыгин и Н. Малыгина считают, что название «Чевенгур» происходит от русских диалектных слов «чева» – ошметок, обносок лаптя, и «гур» – шум, рев, рык (Залыгин, Малыгина, 2000, с. 556). Есть также версия, что Чевенгур – это аббревиатура: ЧеВеНГУР – Чрезвычайный Военный Непобедимый (Независимый) Героический Укрепленный Район (Алейников, 1999, с. 182). На тюркские корни «Чевенгура» указывает Д.Н. Замятин (Замятин, 2005, с. 10). Однако до сих пор исследователи не обращали внимания на еще одну возможную этимологизацию названия романа, которая, как нам представляется, в наибольшей мере отвечает платоновскому замыслу.

Результаты и обсуждение

Этимология названия «Чевенгур»

Представляется, что слово «чевенгур» оказывается созвучно армянскому «чилингар», от которого происходят армянские фамилии Чилингар,

Чилингарян (арм. Չիլինգարյան), Чилингаров и некоторые другие. Однако слово «чилингар» не армянского, а тюркского происхождения (*çilingir*). По-турецки, азербайджански и узбекски «чилингир», как и по-армянски «чилингар», означает «слесарь», а в более ранние времена и «мастер по металлу», «кузнец-оружейник» (Максимов, 2013).

Стоит вспомнить, что Платонов родился и до 1926 г., т.е. вплоть до начала работы над «Чевенгуром», жил в Воронеже, а отец его, Платон Фирсович Климентов, был слесарем-железнодорожником. В Воронеже была одна из наиболее многочисленных армянских диаспор в России. Более того, в 1913–1915 гг. Платонов работал помощником машиниста на локомотиве в имении Устье полковника Якова Григорьевича Бек-Мармарчева (1854–1915) в окрестностях Воронежа. Бек-Мармарчев (Мармарчев) по национальности был армянином и принадлежал к армяно-григорианской церкви. Наверняка Платонову приходилось встречаться и с другими армянами. Например, в «Рассказе о потухшей лампочке Ильича» (1926) Платонов упоминает: «Подговорились мы с одним городским армянином сбывать ему фрукт, и стали водиться у нас деньги» (Платонов, Усомнившейся Макар, 2011, с. 92). Характерно, что рассказ «Усомнившейся Макар» был написан в том же году, когда началась работа над «Чевенгуром».

Упоминаются армяне и в самом «Чевенгуре»: «Прокофий взял знамя из рук Чепурного и прочел про себя стих Карла Маркса на нем.

– Ого – не пролетариат! – сказал он. – Это тебе класс первого сорта, ты его только вперед веди, он тебе и не пикнет. Это же интернациональные пролетарии: видишь, они не русские, не армяне, не татары, а – никто! Я тебе живой интернационал пригнал, а ты тоскуешь...» (Платонов, Чевенгур, 2011, с. 286).

Данные примеры доказывают, что армянская национальность была значима для Платонова в период работы над романом, в том числе, вероятно, из-за армянского происхождения его названия. В процитированном отрывке из «Чевенгура» рядом с этнонимом «армяне» стоит этноним «татары», что может намекать также на тюркское (через армянский язык) происхождение придуманного Платоновым топонима.

Интересно, что этноним «армяне» в более поздних произведениях Платонова не встречается. Однако в последней незавершенной пьесе Платонова – комедии «Ноев ковчег (Каиново отродье)» (1949) действие происходит на горе Арарат, в турецкой Западной Армении, а среди действующих лиц присутствует «Симонян, председатель колхоза „Арарат“ из Армянской ССР» (Платонов, Дураки на периферии, 2011, с. 388). Армянский мотив обусловлен библейским сюжетом, но он также может подчеркивать связь комедии с «Чевенгуром», построенном на библейских аллюзиях. Н.В. Корниенко справедливо подчеркивает, что в «Ноевом Ковчеге» диалоги Черчилля и Гамсуна «о новом императоре земного шара» воскрешают «замысел чевенгурского великого инквизитора Прошки Дванова о царстве „интернациональных пролетариев“» (Платонов, Дураки на периферии, 2011, с. 719–720).

В Воронеже и его окрестностях Платонов мог встречать армян с фамилией Чилингарян или Чилингаров. Судя по данным социальных сетей «ВКонтакте»

и «Одноклассники», в настоящее время в Воронеже проживают носители фамилии Чилингарян (Мерри Чилингарян, Вруир Чилингарян) и Чилингаров (Эрик Чилингаров). Их предки вполне могли быть современниками Платонова.

Как нам представляется, Платонов превратил реальное слово «чилингар» в созвучное с ним, но не существующее «чевенгур» (вероятно, оно образовано по следующей схеме: чилингар – чивингар – чевенгур), потому что город утопии не мог быть назван словом, имевшим реальное значение в каком-нибудь языке. Зато те немногие читатели, которые улавливали созвучие и знали значения слова «чилингар», получали ассоциацию с одной из основных идей романа – мастера и мастерства.

Употребление слов «мастер», «слесарь» и «кузнец» в романе «Чевенгур»

Попробуем выяснить, каковы особенности употребления слов «мастер», «слесарь» и «кузнец», по-русски передающие значение армянского слова «чилингар». Слово «слесарь» встречается в «Чевенгуре» 10 раз, причем все случаи употребления приходятся на ту часть, которая представляет собой «реалистическую» экспозицию к основной, фантастической части романа, начинающейся, когда Саша Дванов приходит в Чевенгур. «Реалистическая» же часть охватывает повести «Происхождение мастера» и «Строители страны». Слово «мастер» употреблено здесь 11 раз, производное «мастеровой» – 7 раз, «мастерство» только в «реалистической» части – 4 раза. Слово «кузнец» в «Чевенгуре» встречается 20 раз, а производные от него «кузня», «кузница» и «кузнечный» – 21 раз. Такое внимание к этим словам неслучайно. Кузнец и связанные с ним слова стали одним из символов революции. В частности, в 1920–1922 гг. издавался журнал «Кузница» Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), и Платонов публиковался в нем (Боровско, 2011).

Словоупотребление слов «слесарь», «мастер» и «кузнец» следует признать довольно частым. Для сравнения: в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1929–1940) слово «мастер», обозначающее главного героя, употреблено 106 раз, а в «Чевенгуре» «мастер» и производные от него, а также синонимичные с ним «слесарь» и «кузнец» и их производные использованы в общей сложности 73 раза (Булгаков, 2006). Причем эти слова в романе Платонова, в отличие от «мастера» в романе Булгакова, не являются заменой имен персонажей. По объему же «Мастер и Маргарита» и «Чевенгур» практически равны – соответственно 740 и 746 тысяч знаков с пробелами.

Вполне логичным представляется то, что более новое слово «слесарь» (от нем. *Schlosser* через польское *ślusarz*, мастер по замкам), попавшее в русский язык лишь в XVIII в., употребляется только в современной, «реалистической» части «Чевенгура», тогда как в фантастической используются гораздо более древние слова «мастер» и «кузнец». Слово «мастерство» и эпитеты «точность мастерства», «усердное мастерство» используются только в «реалистической» части романа для обозначения свойства, присущего как приемному отцу Саши Дванова, слесарю Захару Павловичу, так и самому Саше

в его дочевенгурской жизни, но иначе, чем у отца: «К машинам и мастерству его влекло, но не так, как Захара Павловича. Его влечение не было любопытством, которое кончалось вместе с открытием секрета машины. Сашу интересовали машины наравне с другими действующими и живыми предметами. Он скорее хотел почувствовать их, пережить их жизнь, чем узнать» (Платонов, Чевенгур, 2011, с. 44, 51, 54). Для Саши мастерство – это то, что рождает машины, а машины для него – такие же живые существа, как человек и животные. В другом случае мастерство выступает в качестве своеобразного «погонщика» машин, уподобленных уставшим животным: «Чем дальше шла революция, тем все более усталые машины и изделия оказывали ей сопротивление – они уже изработали все свои сроки и держались на одном подстегивающем мастерстве слесарей и машинистов» (Там же, с. 177). В данном случае слово «мастерство» сочетается со словом «слесарь» и получается мастерство мастера. Платонов особенно уважал тех рабочих, которые были мастерами по металлу, как его отец. Здесь также можно увидеть дальнейшее развитие фёдоровского учения о воскрешении мертвых. Ведь люди и животные состоят из молекул, которые когда-нибудь после их смерти можно будет собрать вновь. Машины точно так же состоят из молекул, они подобны живым существам, но воскрешают их к жизни после поломки не ученые будущего, а мастерство слесарей.

Слово «слесарь» наиболее ярко характеризуется в следующем эпизоде: «<...> Захар Павлович наблюдал в паровозах ту же самую горячую взволнованную силу человека, которая в рабочем человеке молчит без всякого исхода. Обыкновенно, слесарь хорошо разговаривает, когда напьется, в паровозе же человек всегда чувствуется большим и страшным. <...> Ему говорили, что нет такого болта, хотя такие болты были у каждого. Но дело в том, что на работе слесаря скучали и развлекались взаимным осложнением рабочих забот. Захар Павлович еще не знал того хитрого скрытого веселья, которое есть в любой мастерской. Это негромкое издевательство позволяло остальным мастерам одолевать долготу рабочего дня и тоску повторительного труда» (Там же, с. 44). В данном случае слесаря выступают как некая, можно сказать, «мастерская аристократия» по отношению к остальным мастерам в мастерской и даже как будто издеваются над остальными рабочими. Но на самом деле они лишь шуткой облегчают их тяжелый труд. Паровоз же, как живое существо, уподобляется слесарю, который красноречив только в подпитии.

Также свое имя Саша Дванов получает от жены молодого слесаря, за которой он присматривает во время ее болезни (Там же, с. 51–52). И сам Саша учится на слесаря, поскольку его «интересовали машины наравне с другими действующими и живыми предметами. Он скорее хотел почувствовать их, пережить их жизнь, чем узнать» (Там же, с. 54). И здесь слово «слесарь» оказывается связано с темой машин как живых существ.

Еще два упоминания слова «слесарь» в «Чевенгуре» связаны с измерениями. Захар Павлович рассказывает об уже умершем слесаре Федьке Беспалове: «Бывало, пошлют его что-нибудь смерить, он пойдет, приложит пальцы

и идет с расставленными руками. Пока донесет руки, у него из аршина сажень получается. „Что ж ты, сукин сын?“ – ругают его. А он: „Да мне дюже нужно – все равно за это не прогонят“» (Платонов, Чевенгур, 2011, с. 66). Измеренное расстояние утраивается за счет того, что слесарь максимально раздвигает руки вширь, пока идет. Перед нами все тот же род слесарской шутки, развлечения «взаимным осложнением рабочих забот». А уже в конце «реалистической» части романа «слесарь Гопнер держал ладонь навстречу воздуху и говорил товарищу Фуфаеву, что здесь две атмосферы давления.

– Если б всю партию собрать в эту залу, – рассуждал Гопнер, – смело можно электрическую станцию пустить – на одном партийном дыхании, будь я проклят!» (Там же, с. 177). На этот раз дыхание человека уподобляется энергии машин.

Слово «кузнец» определяется в романе как «железный мастер – он же надзиратель мертвого инвентаря и строительного имущества (должно быть, кузнец, плотник и прочее – в одной и той же личности)» (Там же, с. 133). И «железный мастер» изготавливает из железных прутьев вечности времени и бесконечности пространства (Там же, с. 137). Таким образом, слова «кузнец» и «мастер» оказываются синонимами. Кузнец Сотых выступает противником как революции и коммунистов, так и фёдоровской теории воскрешения мертвых: «Ты говоришь – хлеб для революции! Дурень ты, народ ведь умирает – кому ж твоя революция останется? А война, говорят, вся прошла...» (Там же, с. 158).

Мастер Захар Павлович относится отрицательно к Февральской революции, поскольку «у власти опять умнейшие люди дежурят – добра не будет», но зато принимает Октябрьскую революцию, несмотря на вызванную ей разруху, – «там дураки власть берут, – может, хоть жизнь поумнеет» (Там же, с. 62). Это перекликается с мыслью кузнеца Сотых о том, что революция кончится тогда, когда «все чудаки к власти отойдут, а народ сам по себе заживет – обоим сторонам удовольствие...» (Там же, с. 159). Таким образом, счастье народа мыслится как своеобразная анархия, когда власть сама по себе, а народ – сам по себе, и в дела друг друга они не вмешиваются.

Другой кузнец, Яков Титыч, хочет отгородиться от чевенгурцев: «Народ гречишной каши себе сварить не может, крупы нигде нету... А я кузнецом был – хочу кузницу подальше на шлях перенести, буду работать на проезжих, может, на крупу заработаю» (Там же, с. 321), поскольку «способней будет вещь по кузнечному сработать» (Там же, с. 322), чем питаться только дарами природы, как это делают чевенгурцы. И он, как и Сотых, не верит в воскрешение и мечтает, чтобы «мертвое тело оставалось целым, было бы чего держать и помнить, а то дуют ветры, течет вода, и все пропадает и расстается в прах. Это ж мука, а не жизнь. И кто умер, тот умер ни за что, и теперь не найдешь никого, кто жил когда, все они – одна потеря» (Там же, с. 322). А заброшенная кузница, в которой пророс лопух и где даже пауки передохли, становится символом запустения Чевенура. Здесь тоже можно усмотреть фёдоровское учение о возможности воскрешении мертвых.

Согласно интересной гипотезе Н.Н. Боровко оба кузнеца в романе, Сотых и Яков Титыч, имеют своим прототипом Максима Горького, причем Сотых отражает фигуру Горького 1920 гг., когда он резко критиковал большевиков за избыточное насилие в «Несвоевременных мыслях», а Яков Титыч – фигуру позднего Горького, вернувшегося из эмиграции и в целом принявшего большевистскую программу (Боровко, 2011). Если эта гипотеза верна, то становится понятной критика обоими кузнецами фёдоровского учения. Горький в целом не принимал учения Фёдорова, хотя признавал, что «среди множества его оригинальных домыслов и афоризмов есть такой: „Свобода без власти над природой – то же, что освобождение крестьян без земли“. Это, на мой взгляд, неоспоримо» (Горький, 1953, с. 454). Горький так отзывался об учении Фёдорова в письмах: «Книги его, конечно, читал. Не понравились». Правильно и указание, что от Фёдорова «тошнотно, как после хлороформа» (Сухих, 2007, с. 59–60).

Захар Павлович думает о том, что хорошо бы дать человеку «муравьиный или комариный разум – враз бы можно жизнь безбедно наладить: эта мелочь – великие мастера дружной жизни; далеко человеку до умельца-муравья» (Платонов, Чевенгур, 2011, с. 20). Здесь отражена мысль Фёдорова о том, что «по зоологической теории – общество есть муравейник, потому что и человек – только общественное животное» (Фёдоров, 1995, с. 328). Муравьи привлекали Фёдорова (вероятно, и Платонова) тем, что погребали своих умерших за пределами муравейников, в чем они «подобны <...> не дикарям, а горожанам, особенно американским и даже только будущим, когда удалять останки умерших будет предоставлено обществу ассенизации». Этот пример использовался биологами для доказательства биологической (животной) природы человека, с чем Фёдоров был категорически не согласен, полагая, что человек в нравственном отношении отличается от даже высокоорганизованных животных, вроде муравьев, тем, что выполняет сыновий долг, погребая умерших с максимальной возможностью к воскрешению: «Следовательно, „погребать“ у животных (как и у будущих горожан, и у нынешних натуралистов, которым принадлежат вышеприведенные слова и которые в нравственном отношении стоят не выше изучаемых ими муравьев) не имеет ничего общего с погребением у людей, т.е. сынов человеческих: „погребать“ у последних значит оживать или воскрешать соразмерно со знанием и умением. Скрытое, т.е. зарытое в землю или сожженное по физической необходимости тело умершего, тотчас же восстанавливается по необходимости нравственной, по сыновнему долгу: каменные „бабы“ (отцы), погребальные урны, хранящие прах сожженных и принимающие постепенно все более человекообразную форму, свидетельствуют об этом долге» (Там же, с. 460–461). Платонов же в данном случае полемизирует с Фёдоровым, утверждая, что и людям есть чему поучиться у муравьев. Писатель подчеркивал роль мастерства в отличии человека от животных и растений. У Захара Павловича и его друга машиниста-наставника «зверь и дерево не возбуждали <...> сочувствия своей жизни, потому что никакой человек не принимал участия в их изготовлении, – в них не было ни

одного сознательного удара и точности мастерства». В этом отношении к человеку ближе изделия, особенно металлические, которые «существовали оживленными» и «по своему устройству и силе» были «интересней и таинственней человека» (Платонов, Чевенгур, 2011, с. 43–44). А твердые (металлические) вещества, с которыми всю жизнь имеют дело мастера, помогают им предчувствовать приближение смерти, так как «тайно обучают их непреложности всеобщей гибельной судьбы» (Там же, с. 53). В противоположность Фёдорову, у Платонова не сын заботится о захоронении отца, но отец – о захоронении приемного сына. Он задолго до самоубийства Саши сделал ему гроб – «последний подарок сыну от мастера-отца», чтобы сохранить Александра в таком гробу – если не живым, то целым для памяти и любви; через каждые десять лет Захар Павлович собирался откапывать сына из могилы, чтобы видеть его и чувствовать себя вместе с ним» (Там же, с. 79). Он предчувствует, что надолго переживет Сашу.

Также машинист-наставник полагает, что настоящий мастер не должен трудиться ради денег, и конец света настанет тогда, когда «труд из безотчетной бесплатной натуры станет одной денежной нуждой», и «после смерти последнего мастера оживут последние сволочи, чтобы пожирать растения солнца и портить изделия мастеров» (Там же, с. 51). В данном случае Платонов указывает на одно из опасных последствий реализации фёдоровского проекта – ведь наряду с хорошими людьми воскреснут и сволочи – злодеи и преступники, и надо сделать так, чтобы настоящих мастеров было бы в истории человечества не меньше, чем сволочей. С другой стороны, в романе подчеркивается, что есть предметы, «для изделия которых мастеру надо отвлечься от всего низкого и нечистоплотного в своем теле» (Там же, с. 353).

Между Захаром Павловичем и Сашей Двановым существует принципиальная разница во влечении к машинам и мастерству. У отца оно рациональное, а у сына – интуитивное. Саша «скорее хотел почувствовать их, пережить их жизнь, чем узнать», и поэтому иногда воображал себя паровозом (Там же, с. 54). И есть еще разница между мастерами, которые вкладывают душу в производимые ими машины, и мастерами, которые равнодушны к паровозам, которые «они чинили и заправляли» (Там же, с. 54–55).

Мастером в «Чевенгуре» может быть не только слесарь или кузнец, но и воин. Неслучайно красный воин Копенкин, странствующий рыцарь революции, «свободным движением мастера вышиб саблей обрез из рук постового, ничуть не ранив его», причем его мастерство определяется тем, что он «имел в себе дарование революции» (Там же, с. 153). Таким образом, мастерство не только не противоречит революции, но и может вдохновляться ею. Мастерством обладает и чекист Пиюся, палач-романтик, в результате деятельности которого по истреблению и выселению «буржуев» и «полубуржуев» в Чевенгуре остается только 11 жителей-коммунаров. Он при выселении «полубуржуев» «хватал поперек тоскующих людей с равнодушием мастера, бракующего человечество, и молча сажал их на узлы, как на острова последнего убежища» (Там же, с. 251). При этом Пиюся для Платонова – отнюдь не отрицательный герой. Ведь сам автор «Чевенгура» в 1922 г. писал в задонской

газете «Свободный пахарь»: «Для осуществления коммунизма необходимо полное, поголовное истребление живой базы капитализма – буржуазии, как суммы живых личностей. Скажут – это крайность, кровожадность, слепое бешенство, а не путь к коммунизму. Нет – честный вывод точного анализа переходной эпохи и истории капитализма и пролетариата. Сердце, чувство всегда мешали человеку познать жизнь. Мы никогда правильно не понимали земли. Голова наша еще слишком слаба, не может вполне познать всего тяжелого процесса движения вещей, всей беспощадности, всего коловорота, взрывов материи, текущей к своей цели. Мы еще не научились у природы ее беспощадности» (Платонов, 2007). Здесь Платонов скорее исповедует не фёдоровское учение, а социальный дарвинизм, который у него в дальнейшем сочетался с «Философией общего дела» (см. рассуждения машиниста-наставника о «последних сволочах»). А вот мастерство чуждо «разлагающемуся» «припартийному интеллигенту» (Боровко, 2001) Симону Сербинову, антиподу Саши Дванова, которого он именует не мастером, а всего лишь «квалифицированным мастеровым» (Платонов, Чевенгур, 2011, с. 382).

Заключение

Таким образом, мы убедились, что гипотеза о том, что название романа «Чевенгур» происходит от армянско-тюркского слова «чилингар», которое могло быть известно Платонову благодаря доказанным контактам писателя с представителями армянской диаспоры Воронежа еще до начала работы над произведением, нашла дополнительное подтверждение в тексте «Чевенгура», так как все слова, которыми можно перевести это слово на русский язык, – «мастер», «слесарь», «кузнец» и их производные – играют важную роль. Они оказываются связаны с отражением «философии общего дела» Н.Ф. Фёдорова, где это учение сочетается с социальным дарвинизмом и с одной из главных тем романа о мастере и мастерстве. Социальный дарвинизм отразился также в статье А.П. Платонова «Коммунизм и сердце». Данное обстоятельство повышает вероятность нашей гипотезы об армяно-тюркском происхождении названия романа «Чевенгур». Представляется также вероятной гипотеза Н.Н. Боровко об А.М. Горьком как прототипе персонажей-кузнецов в «Чевенгуре», Сотых и Якова Титыча, и их связь с «Философией общего дела», своеобразная полемика с идеями Н.Ф. Фёдорова с позиций социального дарвинизма. Идеи социального дарвинизма воплотились в эпизодах истребления «буржуев» и изгнания «полубуржуев», оставлением в живых только «избранных» коммунаров.

Список литературы

- Алейников О.Ю. На подступах к «Чевенгуру» // Филологические записки. 1999. № 13. С. 177–184.
- Боровко Н. Портретная галерея «Чевенгура» // Континент. 2001. № 109. URL: <https://magazines.gorky.media/continent/2001/109/portretnaya-galereya-chevengura.html?ysclid=m7cftij0pf753464664> (дата обращения: 04.01.2025).

- Булгаков М.А. «Мой бедный, бедный мастер...» : полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита» / подгот., вступ. ст., коммент. В.И. Лосев ; под ред. Б.В. Соколова. М. : Вагриус, 2006. 1006 с.
- Горький А.М. Еще о механических гражданах : собрание сочинений в 30 томах. Т. 24. М. : ГИХЛ, 1953. С. 447–456.
- Залыгин С.П., Малыгина Н.М., Платонов А.П. Русские писатели XX века : биографический словарь. М. : Большая российская энциклопедия, 2000. С. 555–557.
- Замятин Д. Крутая вечность. Образная геоморфология романа Андрея Платонова «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова : проблемы творчества. Вып. 6 / под ред. Н.В. Корниенко. М. : ИМЛИ РАН, 2005. С. 7–19.
- Максимов В. Из истории фамилий // Наука и жизнь. 2013. № 11. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/23331/> (дата обращения: 17.01.2025).
- Платонов А. Забытые статьи. Коммунизм в сердце человека (В порядке дискуссии) / публ. и коммент. В. Попова // Подъем. 2007. № 10. URL: <https://pereplet.ru/podiem/n10-07/Platonov.shtml> (дата обращения: 04.01.2025).
- Платонов А.П. Дураки на периферии : пьесы, сценарии / сост., подгот. текста, коммент. Н.В. Корниенко. М. : Время, 2011. 720 с.
- Платонов А.П. Усомнившийся Макар : рассказы 1920-х годов ; стихотворения / под ред. Н.М. Малыгиной. М. : Время, 2011. 656 с.
- Платонов А.П. Чевенгур. Котлован / под ред. Н.М. Малыгиной. М. : Время, 2011. 608 с.
- Романов Е.П. Богучарский коммунизм Андрея Платонова : исторические исследования и публицистика. Воронеж : Воронежская областная типография, 2017. 96 с.
- Сухих С.И. Горький и другие : избранные статьи. Н. Новгород : Поволжье, 2007. 243 с.
- Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений : в 4 томах. Т. I. М. : Издательская группа «Прогресс», 1995. 518 с.
- Шубина Е.Д. Созерцатель и деятель: 1899–1926 / Андрей Платонов : воспоминания современников. Материалы к биографии ; сост., подгот. текстов и примеч. Н.В. Корниенко, Е.Д. Шубиной. М. : Современный писатель, 1994. С. 138–154.
- Яблоков Е.А. На берегу неба: роман Андрея Платонова «Чевенгур». СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 376 с.

Сведения об авторе:

Соколов Борис Вадимович, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, научный консультант главного редактора, издательство «Вече», Российская Федерация, 127566, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, копр. 1. ORCID: 0000-0001-8147-4918; SPIN-код: 9754-1134. E-mail: bvsokolov@yandex.ru